

ПОВЕСТЬ ОБ АПОЛЛОНИИ ТИРСКОМЪ

ПОВѢСТЬ ИЗРЯДНАЯ¹ О АППОЛОНѢ, ЦАРѢ ТИРСКОМЪ,
И О СЛУЧАЯХЪ, И О БѢДАХЪ, И ПЕЧАЛѢХЪ В МИРѢ СЕМЪ,
И ЯКО ЧЕЛОВѢКОЛЮБИЕ БОЖИЕ НИКОГОЖЪ ОСТАВЛЯЕТЪ
ДО КОНЦА ПОГИБНУТИ. НАЧАСЯЖЪ АНТИОХОМЪ ЦАРЕМЪ

Антиох — владѣтельны, и великосилный, и многословуты² цесарь греческий, иже глаголетца Великий, * понеже во Елладе и Сирии много царей премину, но сего внѣшних еллинских писаний премногу паче инѣх славляше, зане превозрастен³ бѣ, и красен, и премудръ, и храбръ, — сей Антиох многими ратоборствы и мужественным одолѣнием множество царствъ повоева и в свою державу прия. Созда же и град в славу имене своего и нарече Антиохия Великая.* Имѣ же царицу зѣло премудрую и прекрасную, паче же жития добрых обычаев и ко всѣмъ человѣкомъ милосердную. Прижит же от нея цесарь дочь едину, толикою красотою сияющую, яко во вселенней таковѣй не обретатися.

Прилучи же ся прекрасной царице умрети, иже смертью своею великую цесарю печаль наведе, изумление⁴; но имѣ утешение — дочь, толикою сияющую красотою, яко никтоже непщева⁵ рожденнѣ ей быти от земных. И егда цесарь Антиох от зельных⁶ своя печали вмале утешение прия, посла во вся страны своя державы и в окрестная кралевства ко благоплеменным и благородным, да обрящут ему в жену подобну первой прекрасную дѣвицу. Посланнии же много искавшие, не обрѣтоша и возвратившеся. И по сих паки посла, и третии, и возвратившеся, повѣдаша, яко нигдѣже таковыя не обретоша; и сим преболшую печаль наведоша и лютое недоумѣние⁷.

И ⁸в том стужении⁸ впаде ему от диявола в сердце злая мысль о дочерине красотѣ и (понеже бѣ тогда безбожное время, сквернии бо идоли почитахуся, всии же творяху по воли своего сердца, скотцки лагодяще⁹ своей плоти) тако убо нача ю любити, яко нимала времени возможе без нея пребыти. Не можетъ сия любовь таитися надолзе. Призвав цесарь к себѣ свою дочь, сказа ей свою мысль не точию словесы, но и вещьми¹⁰. Цесаревна же, видя лукавую волю и злое смышление отца своего, рече ему: «Отче мой, неудобно¹¹ мыслями мятешися¹², отецъ убо еси ми,

¹ достойная, праведная; ² прославленный; ³ высок росток; ⁴ безумие; ⁵ не полагал; ⁶ большой; ⁷ отчаяние; ^{8—8} в той печали; ⁹ угождающе; ¹⁰ поступками; ¹¹ недостойно; ¹² смущаешься.

како толикими злыми осквернити хочещи?» Слезы же от очию ея в словесех сих яко река течаху. Но отецъ, изумельй и неключимый¹, глаголет ей: «Аз убо забых сие, яко дщи ми еси, но всегда имѣю на мысли, яко жена еси моя». Рече ему цесаревна: «Отче мой, лутче ми не точию женою, ниже цесаревною слыти, нежели при твоей воли быти. Аще же волю свою сотвориши, к тому живу не уриши». И сия рекши, отъиде от отца, рыдая и плача, хотя из царства избежати. Отецъ же, увѣдав, повелѣ стражи поставити. И по неколицех днех прииде к ней, нача ю тѣшити словесы и ²приложи рещи²: «Сама вѣси, о дщи моя, яко без жены жити не могу. Подобной же матери не обретох, разве тебѣ». Рече ему цесаревна: «Отче мой, победитель убо был еси супостатом, како не можеш победити прилоги³ страстей? Истинное храбрство и мужественное одолѣние — еже владѣти собою и побеждати малые злые мысли, нежели великия грады. Буди, отче, самодержецъ сам себѣ, не даждь злой славъ быти и повести⁴ о себѣ». Рече же цесарь: «Изначала вмалѣ о сем рѣчь произыдет, егда же многими денми и лѣты объята будет, то уже никто о сем и вспомянет. О семъ же ти явственнo покажу, иже сама узриши». И изыде же от нея и повелѣ премного драгих золотых ковров и иных поставов⁵ принести и в нощи той услати вси улицы града. Людие заутро видѣвше драгие вещи посланы, ни един же смѣя прикоснутися. Второго же дни, видѣвше их небрегомых, начаша пѣши ходити, на третий же день и ездити. Прииде же цесарь ко дщери и рече к ней: «Всего свѣта краснѣйшая, се виждь извѣсно, како людие новому дивятца и много молвятъ, а егда многими времени приидет, уже слово то ни на память приимут». Рече ему с плачем цесаревна: «Отче, сию рѣчь, о нейже смущаешися, не точию по многом времени, но и в тысящу родов будут ю обновляти, повѣствующе. Вѣдай, отче, яко произволяю смерть, паче нежели срамны и скверны живот⁶». И сия рекши, отъиде. Во утрий же день иде в храм идолский богомъ жертву принести, да помогут ей тоя гнусости избежати. Егда же из храма в златоблещащемся одеянии цесаревна иде, к тому же приразися лучь солнца ко красотѣ лица ея, и такова благолична показася, недоумѣтелно бысть, кому и уподобити. В таковѣй красотѣ видя ю цесарь отецъ, таковым от врага желанием уязвися, яко от разгорѣння паде на землю и, егда бысть вечер, прииде в храмину, идѣже живяще цесаревна, и сотвори с нею дѣло беззакония силою. Цесаревна же нача горко рыдая плакати и вопити гласом великим. Придоша же ближнии ея и увѣдаша о семъ, увещевающе ю сие таити, да не болши молва зла будет в людех. Но и по сем цесарь отецъ от зла не отста, но всегда волю свою исполнял.

Слышаше же окрестных царствъ царевичи и королевичи о красотѣ и благоличии дщери Антиоховы, мнози покусишася пояти ю себѣ. Но Антиох, хотя волю свою исполняти, не хотя ни за кого ю дати, и повелѣ провозвестити по землях и царствах: «Сие возвещает всѣмъ великий цесарь Антиох еллинский, яко дщери своя никому в жену не дам, токмо развѣ кто отгадает мое гадателст-

¹ недостойный, бесчестный; ^{2—2} добавил; ³ искушения; ⁴ молве; ⁵ тканей; ⁶ жизнь.

во; аще ли же не отгадает, повинен будет смерти». Слышаще же декрет, то есть извѣст цесарский, намѣрения своего престаша; но цесаревна толикия бѣ красоты, яко кто ея узрѣ, не постоит еже и смерть прияти. И мнози, покусившеся гадателство изъявити, вси обезглавлени быша; главы же их на распутях на колах взотчени на страх прочим, хотящим гадателство предложити и не могушим. Инѣх жа во вратѣх повѣси с написанием таковым: «Всякий, жалаяй великого Антиоха прияти дщерь в жену, таковая постражет, яко покусивыйся несвойственному дѣлу». И тако много царевичев, и кралевичев, и княжеских детей живота гонзнуша¹.

Тогда Апполон, тирский краль,* слыша неизреченную пресияющую красоту цесаревны и неявленное умышление гадателства Антиоха и о еже всем мнози смертная пострадаша, нача помышляти в себѣ, глаголя: «Кто сам не отвѣдает, како неявленная увѣдает? Гряди и вижду красоту дѣвицы и услышу гадателство отца». Бѣ же Апполон премудрѣ зѣло, и благороден, и благочестен, паче же в рыцарских науках мужествен и храбрѣ. Сказа же сию рѣчь ближним своим, и ²отрѣкоша ему², но Апполон не послуша их, ѣде во Антиохию ³в великомѣ уряжении воинства³. И егда прииде ко Антиоху, и рече: «Здрав буди, благополучный, счастливый, великий и пресилный цесарю Антиоше! Аз убо приидох видѣти и поклонитися честному благообразию твоему и слышати премудрость твою; паче же ⁴аще волит благодать твоя⁴, да ⁵возьмѣю у тебѣ сродства любовь во имя сына⁵, еже пояти в жену прекрасную дщерь твою». Антиох же, слышав сия, опустнѣ⁶ и изменися лицом и рече: «Вѣси ли уставѣ моего царства?» И рече Апполон: «Вѣм и зрѣх привисящих во вратех. Сего ради и приидох к твоему величеству, дабы твою премудрость сам слышал». И рече Антиох: «Мой декрет главу твою отсячет, но убо еси сынѣ отца великаго, славнаго, желѣю же младости и доброты твоя; отъиди убо отсюду и ищи инаго приятелства». И рече Апполонъ: «Не буди ми паче тебѣ искати отца и дщери твоя жены, и не отъиду отсюду, дондеже увѣм твое гадателство». Антиох же всякими образы и вещми⁷ отсылая Апполона и не возможе и паки рече: «Возлюбленный Апполоне, дарую тебѣ твою главу, точию сам ю соблюди, не истязуя⁸ мое гадателство, отъиди». Апполон же отрече, яко хочет слышати и дщерь его в жену себѣ пояти. И рече Антиох: «Сие мое гадателство слыши: тѣло мое ям и кровь мою пию, сам ѣсмь зять себѣ. Отца дщерь жадает⁹ и видѣти не улучшает¹⁰, жена мужа не видит и муж женѣ быти не может». Слышав же Апполон таковое гадателство, поддержа лице свое дланию, бысть бо яко во ужасе и рече ко Антиоху: «Цесарю великочестный, како ми повелиши сие твое гадателство изъявити — тайно ли или яве?» И Антиох: «Скажи, — рече, — яве». Апполон же нача извѣствовати¹¹ гадателст-

¹ лишились; ^{2—2} отговаривали его; ^{3—3} сопровождаемый богато снаряженной свитой;

^{4—4} если ты пожелаешь; ^{5—5} найду у себя родственную любовь как к сыну; ⁶ осунулся;

⁷ способами; ⁸ не требуя, не узнавая; ⁹ желает; ¹⁰ не получает; ¹¹ извещать, возвещать.

во: «Великий цесарю, тѣло свое яси и кровь свою пиешь — се есть дѣло неприязненное твориши, яко со своею дщерию скверно дѣеши. Она бо от тѣла твоего и от крови, тако и зять еси себѣ, яко муж дщери своей. И дщерь отца имѣти желает и не улучает, яко мужа его имать, мужа быти желает и не имат я, отецъ еси ей и ты в мужа быти не имаши, яко отецъ, и кровь на кровь смесил еси». Слышася, Антиохъ възъярися люто презелным гнѣвом: «О Апполоне, главу свою погубил еси, яко гадателство мое по своей воле предложил еси, а не яже аз имам в моей мысли». И рече Апполон: «Великославный цесарю, вси сие мое извещение слышат, яко тако есть, но ты — праведный цесарю и правый судъ имаши; готов есмь к смерти». И рече Антиох: «Щажду твою юность и благородие честь, даю до утра отречение смерти. Ты же о себѣ размысли и паки гадание мое разположи инѣм образом; аще ли же ни, главу твою повелю отъяти и тѣло псомъ предати».

Апполон же изыде от цесаря, размышляя в себѣ, како избыти смерти, — яко и гадание предложи, а смерти не убеже; и положи во умѣ бѣгством избавление получитьи. И тайно наят корабль, и в первы сумрак, оставя кони, вниде со всѣми своими, нача в корабль бежати. Заутра же сказа Антиоху, яко Апполон убеже. И рече Антиох: «Како может убежати, толикою дерзостию обесчестя нас, по своей воли предложив мое гадание?» И повелѣ учинити такову заповедь, яко аще кто жива ему Апполона приведет, дастъ 500 000 литръ злата, а кто главу принесет — 100 000 литръ. И таковую заповедь слышася, мнози поощришася сребролюбцы на поимание Апполона, не точию враги, но и друзи, желающе от Антиоха честь и дары великия прияти.

Апполон же прибеже в свой Тир* град, совѣтуя со своими и рече: «Не хочу себѣ ради и вас погубити, яко велий на мя Антиохов гнѣв излился, но отъиду от васъ». Гражданя же вси плачуща, воли его повинущася. Он же повелѣ корабль насыпати пшеницы, и многое множество взя с собою злата, и сребра, и драгоценных вещей, и вниде в корабль, побеже спѣшно. Егда же Апполон отъиде, прииде в Тир от Антиоха ¹клевоща ему шепотник¹ именем Тарбата и нача вопрошивати о Апполоне, извѣствуя его себѣ друга и якобы хошет приятелство ему показати. Извещение же от граждан прием, отъиде.

Апполон же прибеже ко граду Тарсу* и нача ту во граде жити. Бысть же в той земли тогда глад велий, куповаху бо пшеницы мѣру по 8 златых. Апполон же откры корабль, повелѣ гражданам продавати пшеницы мѣру по 8 пѣнязь.* По разпродании же пшеницы повелѣ и пенязи возвратити, дабы его купцем не звали; и град Тарсъ предобро и премудре устрои. Граждане же таковое благодѣтелство от Апполона приемше, отца его себѣ нарицаху и за толикую его милость на честь и славу образ² его посреди града поставиша.*

Нѣкогда же Апполону изшедшу из града и ходя по берегу моря, в то время нѣкто Елавик, его земли славный человекъ, ѣха по морю. Узрѣ жа Аппо-

^{1—1} доносящий ему наушник; ² скульптурное изображение.

лона, рече ему: «Здрав буди, Апполоне, кралю великий, известую ти заповедь о тебѣ Антиохову, аще и под смертию запрещено». Апполон же рече: «Скажи, друже мой и брате, кая о мнѣ есть заповедь?» Елавикъ же рече: «Таковую заповедь о тебѣ преложи: аще кто тя жива приведет, дасть ему 500 000 злата, аще же главу принесет — 100 000. Извѣстую же, яко и во граде имаше своим врагов многихъ, хотящихъ погубити тя». Апполон же дарова ему 500 000 злата, глаголя: «Между драгихъ всего сего свѣта дражая всего *здравие свое*. Ты же, яко хранитель живота моего, имѣй сие от мене, еже бы имѣти от Антиоха за невинную погибель мою». Елавик же не хотя прияти, глаголя: «Тебѣ паче должно мнѣ есть что принести, яко странствовать и бѣгати хочещи». И рече Апполон: «Ты ми преболшая дарова, а от мене, еже даю ти, приими». Приемъ Елавик, отъиде.

По сем повелѣ Апполон пристроити корабль, хотя плиты к Пентополю.* Внида же в корабль и отплы. Егда же бѣ в мори десятию денми, воста вѣтръ противный с полунощи¹, возбуди же волнение морское, и тако море восколебася и возбурися, яко отъя и вѣтриницы², и *древие* прелома, и волнами море кораблем нача яко мечем играти. Прииде же преболшая волна, подъяемъ корабль, опроверже и разорва его тако, яко ни едина доска со другою осталась, и вси людие истопша, такоже злато, и сребро, и драгие вещи. Апполон же, объемя корабленные доски, нача ея держатися неослабно и плы на ней три дни и три ночи. Увидѣв же нѣкоего рыбаля, иже рыбу ловит, нача, елико силы имѣ, вопити: «О человекче, умилосердися надо мною, помози послѣдня страждушу. Помилуй ниоткуда имущаго помощи, помози ми, утопающу». Рыбаль же немедленно приплы и взял его в свою ладиицу, приведе его в дом свой, предложи же ясти и по сем повелѣ поспати. Егда же Апполон воста от сна, рече ему рыбаля: «Вѣдай, человекче, яко по суду морскому раб еси мнѣ, понеже ты от смерти избавих. Но Бог ми сего не дай, еже озлобити тя, ничтоже ми зла сотворша, но приказую ти и даю се рубище лежит; возьми и преодежися, и иди в корчму на игру, и ищи своего получения³. Аще ли же лучши моего не сыщешь, прииди ко мнѣ, и аз всю мою нищету с тобою разделю». Апполон же, приодѣяся худыми рубищами, поклонися рыбаля умиленно, отъиде.

Прииде же во град, хотя итти в корчму. Тогда же в том граде земли тоя краль кипрскій именем Алтистратес шумерскими с чады своими и велможи науками утешается.* Апполон же ста издалеча, игры смотряше. Егда же Алтистратес, играя мечем, из рукъ его испусти, тогда подскочи Апполон да подаде мечь благочинно. Краль же приим, поразумѣ о нем: «Не проста человекча быти». И докончав игру, спрашивая о нем, кто есть таковой юноша, но никтоже зна его. Точию нѣцы сказаща, иже видяще его от рыбаля идуща. Призван же бысть рыбаля и, вопрошен, сказа токмо, како взя его от моря утопающа, а кто и каковой — не

¹ с севера; ² паруса; ³ счастья.

вѣмъ, — рече. И сказаша сия кралю. Краль же рече: «Аще и не вѣмы его, откуда есть, обаче службы его ради, иже показа нам, дадите ему одеяние и приведите сѣмо, да вечеряеть с нами». И бысть тако.

Обычай же имѣ краль, еже ему ясти со дщерию токмо единою, иже бысть велми прекрасная и отцу утешения по их обычаем в драгих танцоводительствах. Тогда срам велий той дѣвице, которая такова учения не имѣла. Но великаго роду дѣвицы токмо пред отцы танцоваху, и то не по многу. Тогда по повелѣнию отца прииде кралевна Лучница во драгом одеянии и нача отца утешати тако благочинно и весело, яко всѣмъ, оставя вечеряти, и дивитися красотѣ ея и играмъ. Точию Апполон на ню не возрель. Тогда ¹нѣкий съдѣй¹ рече Апполону: «Како ти ся мнит о тонцах прекрасныя сея кралевны?» Апполон же точию главою помовая², ничтоже отвеща. Видѣв же сия кралевна, печална бысть зѣло. Рече же ей отецъ: «Прелюбезная моя дщи, проси от мене что хоцещи, и дам ти». Она же, показав рукою на Опполона, рече: «Отче, докуду сего вижду, весела быти не могу, ниже что от тебе просити буду». Краль же начат ю вопрошати, что есть противу ея вина его. Она же рече: «Како, отче, не вина? Все мя почтоша и похвалиша, сей же наругася мнѣ, посмеяся тонцованию моему». Краль же нача вопрошати Апполона, чего ради посмеялся кралевне, главою помовая. Рече же Апполон: «Кралю милостивый и великий, аз не кралевне ругаяся главою помовал. Она убо честна, благоразумна, благородна и прекрасна, но в тонцоводительствѣх ея *дивнаго* нѣсть, понеже сам аз премножа сего умѣю и болши изучил, нежели кралевна». И рече отецъ ко дщери: «Возлюбленная, никто того не отрѣет³, кто что в самом себѣ имѣет. Тому не удивляйся, но повелим ему показати свою хитрость⁴». И повелѣ же.

Нача же Апполон тѣшити краля и кралевну. Восприем гусли, толико благостройно звецая и благогласно, яко изумѣтися всѣм и удивлятися. Потом нача тонцовати таково благохвално, яко всѣм председящим вопити: «Лутчи попремногу сей человекъ умѣет, нежели кралевна». Кралевна же видя, зѣло возревнова⁵ учению Апполону, дабы *ей* тѣх поступокъ и устройства⁶ научитися. И возлюби Апполона.

Пришедши ко отцу, кланяяся благочинно и молит отца, дабы *ей* предал Апполона во учителя. Кралю же дщерино прошение улюбися, повелѣ Апполона приписати к ближним своим велможам и храмы⁷ на своем дворѣ особые ему дати. Восприим же Апполон кралевну Лучницу ко учению и учил со всяким прилежанием и скоро научи и наказа⁸. Не возрѣ же во весь той год пристрастно на ню, ниже она на него. Зѣло же возлюби краль Алтыстратес Апполона премудрости его ради и мужества; проувѣда же, яко бѣ и краль Тиру. Ноипаче же кралевна учителя своего возлюби.

¹—1 некто из сидящих; ² покачав; ³ не отвергнет; ⁴ искусство; ⁵ позавидовала; ⁶ искусства; ⁷ жилище, дом; ⁸ наставил, научил.

По сем превеликих родов и отец чада приѣхаша ко кралевне приказыватися¹, понеже зѣло красна, и благородна, и премудра ²въ елнинском наказании². Но отецъ, краль Алтыстратес, не восхотѣ дати ни за кого, точию аще кого сама восхошет. И по многих приѣхаша два великия кралевичи во многом уряжении и многолюдстве. Краль же восписа листъ ко дщери: «Возлюбленная моя дщи, приѣхаша к нам нѣцьи благородны и благоплеменитии кралевичи, хотяще, кого от них благоволиши, прияти тя в жену. Аз же обещахся тебѣ, яко быти сему по воли твоей. И се вѣмъ, яко дѣвицамъ есть природный стыд, еже дерзновено о семъ рещи. Ты же мнѣ отпиши намѣрение свое и назнамени имя того, егоже изволишь, не точию же сихъ приѣхавших, но нища ли или богата; нѣсть бо равна мнѣ в богатстве, нѣсть жа и убога, дабы его не обогатил».

Восприим же листъ кралевна от отца своего, прочет, размышляя в себѣ, глаголет: «Естьли правду отписать, срамота ми есть, аще ли же не отпишу — велику тщету³ восприяти». Восприем же харатию⁴ и трость⁵, нача писати: «Отче мой предобрый, чадо премудрое веселит отца. Хошу, якоже годѣ⁶ тебѣ, тако да будет. Обаче прошу, — и написа: Аппо...». Возрѣ же матери ея в писание, рече: «То како ты, безстыдная, хощещи благородство свое постыдити и нас? Славные и великих родов презираеши, а убогаго морскаго утопленика изволяеши». Рече же к матери кралевна: «Мати моя, ⁷на моемъ сие изволеніи лежит⁷. Не в богатстве любовь, ни во благоплеменстве, но в соизволеніи чесномъ и премудрости». И отшед от матери, написа: «Хошу за Апполона, аще ли же не тако, то за иногю не посягну⁸». Тогда краль восприем от дщери листъ, прочет, приѣхавших изрядне учреди⁹ и отпусти; и без всякого замедления учинил веселие, сочтал дщерь свою Апполону с великою кралевскою честью и со славою. И живяху житие любезное и прерадостное.

По пришествіи же близгодишнаго времени нѣкогда поя Апполон Лучницу, жену свою, и идоша на брег морскій. Тогда приплы корабль, на немже бѣ знамя тирское. Егда же Апполон знамя своя земли узрѣ, рече женѣ: «Се корабль из моя земли». Тогда корабленик, познав Апполона, возопи: «Здрав буди, великий нашъ государю, кралю Апполоне. Извѣствую ти, кралю великий: цесарь Антиохъ пораженъ бысть громомъ и со дщерию. Тебѣ же вси князи, и боляря, и вси велможи, и все государства возлюбиша, дабы былъ цесарь и государь великий. Нас убо послаша взыскати тя. Всии же ждуть тя с веселиемъ и со многимъ богатствомъ Антиоховымъ прияти». И вышелъ ис корабля, подаде ему листъ от всея земли.

Прочет же Апполон листъ и прииде ко кралю Алтистратесу, тестю своему, сказа ему вся и листъ показа. И прочет, рече слезен: «¹⁰Двоя мя обыдоша¹⁰»:

¹ свататься; ^{2–2} в эллинских науках; ³ потерю; ⁴ пергамен; ⁵ палочку для письма; ⁶ угодно; ^{7–7} этот выбор представлен мне; ⁸ не выйду замуж; ⁹ одарил; ^{10–10} два чувства меня охватили.

радостная и печальная. Радуюся о величестве чести твоя, яко в мале прежде явленна бысть, ныне же совершенно увѣдах, яко великий еси цесарь, и яко за тако-го благороднаго вдал есмь мою дочь. Печаль же мя лютая угрызаетъ, яко хошеши нас оставити. Но молю тя, премени намѣрение свое. Се вручаю ти — прими королевство мое». И рече Апполонъ: «Великий кралю, драгий мой отче, оставил царство мое неуправлено, того ради не могу сие сотворити, еже ми здѣ пребыти». И повелѣ устояти и украшати корабли.

Прииде же к женѣ своей, краleve Лучнице, рече ей, показуя перстень: «Превозлюбленная и драгая моя жено, виждь и признавай сей перстень. Аз убо ѣду во свое отечество и царство. Мню же, яко кромѣ великих ратоборствъ не будет. Имѣй сей перстень в память любви нашея, поживи же у матери, дондеже по ты пришло. Не вѣрь же ничему, токмо дай ми свой перстень, и аз его паки к тебѣ, дондеже время будет тебѣ быти, пришло». Егда же кралева Лучница сия услыша, бысть яко мертва, паде на землю. Егда же укрепися, горко рыдая, рече: «О презлое мое великое несчастье, что ми сие прилучение¹ принесет!» И рече кралю Апполону: «О возлюбленный, всего свѣта дражайши мнѣ, како мя хошеши немилостиво оставити! Аз же инаго утешения не имам, развѣ еже видѣти пресвѣтлое твое лицо. Сама убо изволих кроме всѣх за тя, с тобою хошу вездѣ быти. Аще ти будет радостная — купно возвеселимся, аще будеши в злополучии — купно претерпим. Готова есмь с тобою и умрети. Лутчи ми очима яже о тебѣ видѣти, нежели ушима слышати, яко болши прилогают², нежели бывают». Рече же к ней Апполон: «Предрагая моя жено, ты убо еси ныне непраздна, а приближается и рождение; моря же бѣд не вѣси, како немилостиво бывает и люто. Поял бых убо тя, но о сем ужасаюся». Она же к нему рече: «Свѣте очей моих, есть ли бы была милость твоя к немощи моей, изволил бы убо еси и из далних стран приѣхати ко мнѣ. Ныне же, не дав назрѣтися мнѣ на ся, в злолутых и скорбных оставляеши мя. Но не буди сего; аще ли же ни, то сама ся убию». Рече же Апполонъ: «Аще инако не может быти, неразлучно во отечестве мое шествуем». Вземше же у отца благословение и прощение, со множеством богатства вседоша в корабль и отплыша, везущесе к Тиру граду.

Егда же уже два месяца плывуще, тогда краleve морской смрад и колебание внутренняя возмутиша; приближися же и рождению время, но еже по естеству от моря бѣд пременися, смертная страдаше и в премногих болѣзнях и страдании породи дочь. Егда же породи, бысть яко мертва, ³никоим же удом³ подвижна, ниже дыхание в ней обрѣтесе, и вси ю непщеваху мертву. И бысть плач и вопль великий в корабли о ней, паче же всѣх Апполон же рыдая, плача, горко сокрушая свое сердце. Море же паче лють возсвирѣпе, яко лев, и всѣм смертию прета. Корабленицы же чаяху кралевну мертву и того ради, моря прещение⁴ извѣствующе, начаша Апполона молити, дабы даровал живот живым,

¹ случай; ² прибавляют; ^{3—3} ни единым членом; ⁴ угрозу.

глаголюще: «Аще не извержеши ис корабля мертвеца, то вси ¹без года¹ погибнем. Море же не пременитца, рекуще, в тишину, дондеже из себе мертвого извергнетъ». Апполон же з горкими слезами глаголя им: «О любезныи моя братия, молю вас да пребудет тѣло в корабли, понеже благороднаго великаго отца дщи, а не проста челоуѣка». Они же излиха² вопияху, ³воли его не попускающе³.

Проразумѣ же Апполон, яко инако быти не может (зане море паче яряшеся, людие же ожесточевахуся), повелѣ лодицу, еже у корабля, честно украсити и тѣло любезныи жены в драгое одеяние приоблещи, что ни имѣла с собою драгих утвореней⁴, все на ню возложити, и повелѣ ю положити в лодицу. Под главу же ея положи 2000 златых великих и листъ написа таковой: «Ты, кто сие тѣло найдеши, да вѣси, яко сия кралевна есть дщи краля великаго, о ней же премного слез пролияся и ныне есть печаль многим. Имат же под главою 2000 златых великих; возми убо себѣ, обрѣтси тѣло сие, а другую 1000 на погребение ея изждиви. Но молю, заклиная промыслом Божиим, любочестно ю погребѣ, по царскому достоинству. Аще ли же кто обрящет, а не сотворит тако, да сотворит ему Богъ и сие да приложит: да не возъимет никоего добра во вѣки, дабы его нужда, беды, напасти всегда одержали, и никоеже его навеки *веселие* да постигнетъ, но да будет во вся дни своя в печали». И тако написав, положи написание в руку ея, обливаясь слезами над нею, сокрушаяся и лобзав любимаго мертвеца, с неутѣшным плачем и с превеликою жалостию по морю отпусти.

Тогда лодицу волны восприемши, птичним летанием друга друзей препосылаху и в третий день ко граду Ефесу* у брега поставиша. Прилучи же ся нѣкоему граду того дохтуру именем Тиримону того часа изъити на брег моря, и увиде лодицу, повелѣ ю к себѣ привлещи. Когда же ю откры, узрѣ честную госпою в драгоцѣнном одеянии лежащу, повелѣ ю изяти и в дом свой с честью нести. Егда же ю изыаша из лодицы, обрѣтошася под главою 2000 златых; узрѣ же в руку писание и прочеть, рече: «Приемля сию на душу мою, и не едину токмо, якоже написано, в погребении ея истошу, но и другую. Себѣ же ничего взяти не хочу». И сия рекши, иде потребная погребению царскому купити.

В то же время прииде ученик его именем Силемон. И увѣдав, что в дому дохтурове творится, позрѣ же на тѣло, рече: «Таковаго мертвеца, якоже сей, никогдаже видѣх: лице не отменися⁵, красота не пременися, очи не впадоша, нос не обострися, плоть не отерпѣ⁶. Истинно есть живот в ней, но нѣкая ю лютая немощь омертвила». Посмотря же жил, рече: «О родители, аще бысте мене у себе имѣли, не бысте любимаго мертвеца в море вовергли. И взем нѣкое составление, растворив, повелѣ на четырех столпах хладничекъ⁷ поставити и тѣло наверху положити. Под хладничком же малый огонь складе и на огонь нѣкое корение *возложи*, да тѣло согрѣется. Тѣло же все мастыи помаза, потом балсамами

¹—¹ безвременно; ² очень сильно; ³—³ желанию его не уступая; ⁴ украшений; ⁵ не изменилось; ⁶ не отвердела; ⁷ вероятно, «кладничек» — помост.

драгими. Когда же позна, яко природа силу приемлет, учинил ей чихание. Егда же чьхну, тогда же хладничекъ весь потрясся, и восприя духъ, разверзе очеса, едва проглагола: «Кто есть при мнѣ, не прикасайся до времени». Силемону же воздвиже ю, подав ей лехкое внутреннее лекарство, и бысть велми красна и здрава. Да не дивит же ся никто сей повести, истинною бо древних лѣтъ се бысть, и в писании еллинскихъ творцов обрѣтается. Евреи же таковой обычай имяху: любезных своих родителей до трех дней не погребяху, дабы душа от великия немощи и безсилія не утаилася. И врачевские книги о сем извѣствуют.

Егда же иде, купив погребалная, дохтур Теримон, стрети его ученик его Селемонус. Прием же учителя под руку, приведе в храмину, идѣже бѣ кралевна, рече: «Зри, учителю, ейже строил еси погребалная, се жива есть». Дохтур же удивися, глагола: «Радуюся о величествѣ ума твоего и веселюся, яко превзошел еси во учении мене. Не мни, добрый учениче, зависти ми наложити око, но благодарю тя, яко возмоглъ сия сотворити. И да не будет твой предобрый труд вотще. Сия убо великая госпожа имать злато и дарствует тебѣ за лекарство животополучное 1000 златых». И дадѣ ему 1000 златых, ихже прия с кралевною. Другую же 1000 положи кралеве и рече: «Радуйся, здрава будучи, великая кралева». Она же рече, слезящи: «Здрав буди и ты, живоподателю¹ мой, и приими мя, сиротствующую и вдовствующую, в чадо свое, яко есмь великачестна роду и царска жена. Что же ми бысть — не вѣм, и гдѣ возлюбленный супруг мой». Теримон же утешая ю словесы и различными повестми, она же неутѣшно рыдая.

Живши же ей ту многое время, дохтур же Теримон имѣ ю яко свою дщерь и нѣкогда помысли ей рещи, яко да посягнет идеть замуж, и рече ей о семъ. Она же рече ему: «Отче мой, да вѣсть твоя любовь, яко завещахся пред Богомъ ждати моего государя, великого краля Апполона в чистотѣ. Мню бо его жива суша и о мнѣ люту печаль имуща. Аще ли же и в мертвых, не помышлю на се за величество славы его и любовь ко мнѣ». Слыша сия учитель Теримонус, с великою честью поклонися ей и уприси ю, еже стояти ей в болшей божнице вмѣсто богини или вмѣсто властелинии,* и кто ей будет служити, дабы в чистотѣ был; понеже в то время многобожие бысть и чистыя вдовы вмѣсто жрецов, се есть попов, употребляху. И тако Лучница целомудренная в божнице в великой чести пребывая, печалию же о Апполоне сокрушаяся и моля видѣти его.

Апполон же по лишении своя жены в жалости обещася дванадесять лѣтъ ис корабля не исходити, но искати возлюбленныя своя супруги. В та же лѣта ни брады, ни главы голити, ни тѣло свое мыти завещася.* И повелѣ нѣкогда корабль направити ко граду Тарсу. Приплы же к нему, ста у прежде бывшего своего дому господина именем Стрегвила, имуща жену именем Деонизию, и отдаде има дщерь свою с великою жалостию. Даде же дщери вмѣсто матери

¹ спаситель.

нѣкую вдову именем Лигорию и много золота, и серебра, и драгих вещей, понеже в том граде воспитати ю умысли. Даде же имя дщери по имени града Тарсиса. И рече Стрелилу и женѣ его Дионизии со слезами: «Возлюбленнии мои и милостивии друзи, не имам на свѣте приятства, якоже ваше, и не иму вѣры никому, яко вам. Отдаю вам сие любезное единое чадо мое, послѣднее утешение мое. Молю вас, напомнимте к себѣ любовь мою и милость, еже к вамъ имѣх и ко всему сему граду. Дайте ей милость и любовь отеческую у себе и сохранили ю, яко око свое». Они же приемши, такожде со слезами обещавшеся с клятвою чадо его с вѣрою хранити. Апполон же, плакав над чадом, лобзая, отъиде. Вшед же в корабль, нача жалостно по морю шествовати.

Тарсиса же кралевна нача в возрастъ приходити и со иными дѣвицами во училище ходити; и изучи всю еллинскую премудрость. Нѣкогда же прииде от учителя Тарсиса, мама¹ ея, Лигория, разболѣся к смерти. Сия видя, нача горко рыдая, плакати. Лигория же нача ю вопрошати: «Вѣси ли, — рече, — чия еси ты дщи?» Тарсиса же рече: «Странвила и Дионизия». Лигория же: «Нѣсть, — рече, — сей твой ни отецъ, ни мати. Ты еси благороднаго отца дщи, великаго краля Апполона Тирскаго. Мати же твоя бысть дщи краля кипрѣскаго кралева Лучница. Родив же тя, предана морю. Здѣ же ты дана отцем воспитати. Отецъ же твои, ища матери твоей, странствует по морю». И сия известивши, Лигория умре. Тогда Тарсиса нача горко рыдати отца своего, и матери, и добрыя своя мамы. И по мнозем неутѣшном плачу погребе ю и положи себѣ завѣт: входя и изходя от училища, над гробом ея плакати. И тако всегда, шествуя во училище, такожде и изходя, рыдая, плача над гробом Лигории, на море же зря, — по матери и, помышляя странствие, — по отцѣ. И тако всегда в сокрушении бѣ и печали.

Прилучи же ся Дионизии нѣкогда итти из божницы. Дщи же ея Филамацѣя пред нею в драгом одеянии грядяше, Тарсия же за ними яко служебница² идяше. Видѣвше же людие, начаша глаголати: «Сия аще и не здѣ родися, но зѣло учтива и благообразна, а бна аще и предшествует, и украшена, обаче нѣсть достойна тоя чести». Услыша сия Дионизия, зѣло опустнѣ и опечалися, слыша безчестие своя дщери, и нача помышляти, како бы кралеву Тарсису смерти предати, дабы дщери безчестия не слышати. К тому имѣ же нѣкого раба на селѣ своем именем Феофила. Призва же его и рече ему: «Феофиле, слышахом о тебѣ много зла, яко мужа моего добра крадеши, к тому же покушаешися отравити нас, а дщерь нашу пояти и домом нашимъ завладѣти. Но муж мой тебѣ прежде к смерти предасть, нежели мы от тебе постраждем, — хочет тя предати нѣкому мучителю». Он же нача ротитися³ и клятися, яко никоего зла ниже сотворил, ниже помыслил. Рече же Дионизия: «Инако не будет, но аще хочеша смерти избыти, иди и убий Тарсису. Имати бо нрав: прежде бо ни ясть, ни пиет, но ходит

¹ кормилица; ² служанка; ³ клясться.

во гробища плакати своя воспитѣвша. Ты же тамо предварив, утаися и уби ея. А когда тако сотвориши, испрошу ти свободу». Феофил же, бояся смерти, воли господини повинуся.

Егда же улучи время, иде и утаися между гробищъ. Егда же Тарсиса прииде, нача плакати и случшаяся оглаговати, узрѣв ея, ужасеся зѣло и рече в себѣ со слезами: «О злосчастный и бѣдный рабе, в кий час ты родися, яко в таково зло вдан бысть! О стужение злое и печали полное, како ми и за кую вину убити такую дѣвицу прекрасную, благородную и благоумную и пролити кровь неповинную?» Егда же плака и розмысля, яко инако невозможно ему сотворити, и, скочив, удари ю о землю и изем мечь, хотѣ ю подкнуги, — дѣвица же Тарсиса нача Феофила молити тихими словесы девичьи нравы з горкими слезами: «Повѣждь ми, о человекѣ, за кую вину аз, бѣдная, таковой смерти достойна, ничтоже есмь сотворила, ниже тя знаю». Он же рече: «Тогда ти извещу, егда главу твою отъиму». Она же паки рече: «О человекѣ, убойся великаго Бога пролияти кровь без вины дѣвицы, иже без отмщения не будет». Он же рече, плача: «Ты ми никоего зла не точию сотворила, ниже тя аз знаю, но слышах, яко отецъ твой вда с тобою, у нихже живещи, много злата, того ради повелено ми убити тя под казнию главною, дабы злато по тебѣ у тѣх совершено было всегда». Она же рече: «Молю тя, аще инако быти не может, даждь ми малое время плакати своя матери и приставнице¹ моей милой». Феофил же рече: «Плачи, и вѣждь: аз убо сия творю не волею моею». Егда же Тарсиса нача плакати неутѣшными и горкими слезами, тогда по прилучию подѣхаша разбойницы по морю и вышедши на брег и седяще. Увидѣвше же мужа стояща и мечь держаща, крикнуша, скочивше. Феофил же, узрѣв человекъ, побеже, и утече. И притече в дом, сказа злѣй своей господине, яко уби Тарсису. Разбойницы же взявше ю, привезоша ко нѣкоему граду, рекомому Мельхину,^{*} и между иными куплями посадиша ю продати.

Прииде же блудницам начальный и корчмит купити Тарсису у разбойников, даде за ню 50 златых, введе же ю в дом свой и причта ко скверным дѣвицам нечистаго ради своего и злаго прибыточества. Тарсиса же, видя прелютное зло над собою, нача, рыдая, горко плакати и глаголати: «О Боже, Боже мой, како мя прегоркую и злосчастную в злых моих оставилъ еси? О случаю злополучный, немилостивый, како на мя испустил еси своя стрѣлы и злосердым копием пробол еси мое сердце? О Боже, сие ми бысть за еже *есмь* паче всѣх согрешила, обаче нѣсть во мнѣ, ни в помыслѣ моем никоего зла хотѣния, точию молитва и книжное прочитание. Почто ми, Боже мой, родитися попустил и родившуюся почто с матерію моею в море не ввергоша мя? О Феофиле, был еси ми страшен, обаче прелюбезен бы был, егда бы главу мою отъялъ. Лутчи ми, окаяннѣй, злая смерть, неже скверный и срамный живот!²» Узрѣвши же купившаго ю начальни-

¹—¹ кормилицы и воспитательницы; ² жизнь.

ка блудницъ, паде к ногама его, плача и моля, дабы на чистоту ея не пошрелся и дѣвство ея при ней оставил, и честь королевского чада не обругал. Рече ей окаянный блудницам начальный: «Престани, не тому предана, дабы ти кая милость была дана. Иди и сяди въ первых блудницах, украсившись. Не точию, яже за тебѣ дах, хошу возвратити, но и сугубую цену твоею красотою имам добыти». И посадив ю, повелѣ по граду извещати, блудити хотящим, яко есть у него в блудилище новая: таковая дѣвица, какой не бывало.

Услыша сия того града князь именем Антогор, прииде в дом блудницъ и взем за руку Тарсису, введе ю во особую храмину к любодѣянню. Тарсиса же, виде збывающесе над собою, и едина токмо со единым паде к ногам Антигора, рече ему с великим плачем, горко рыдая: «О великий княже, преславнѣйшая природа, ¹премози, иже по естеству похоти мысль¹, сотвори нрав славный, не буди гонитель и обругатель крове царския, да Богъ за доброе сие, его же покажеша ко мнѣ, сохранит чад твоих от толикаго злаго случая. Аз есмь бѣдная дщерь великого краля тирского Апполона, иже в злочлечениях своих странствуетъ по свѣту. Мене же даде воспитати во граде Тарсѣ, и емуже преда, той мя повелѣ убити. У убийцы же разбойницы мя отъяша и продаша сему злому чеовѣку. Ты же, яко славный и благородный, честь мою, и чистоту, и дѣвство сохрани ради вышняго промысла и всех царей, и кралей, и благородныхъ дѣвицъ, и честныхъ жен, чистоту и честь хранящихъ». Услыша сия князь Антогор премудрый, умилися к жалосному ея молению и рече ей с честью словеса утѣшительная: «О славная дѣвица, истинная царевна, яко в толиких бедах сама в себѣ царствуеши. Поклоняюся ти, буди здрава, буди тебѣ честь и слава вѣчная, яко в толиких бедах честь снабдѣваеши² и чистоту любиши. Отселе аз, елико могу, буду тебѣ усердно помогати, да дѣвство твое сохранитца. Приими от мене злата и дай ему блудническому купцу, яко свою мзду у мене приемше. Аз же ему реку, что о тебѣ творити». И изшедъ из храмины, преславная дѣвица даде своему злославному владыце приемшее злато у Антагара любомудраго. Изыде же и князь Антагор, нача глаголати блудницъ начальнику, да дасть ему Тарсису на месяцъ, а он ему дасть 100 литръ сребра, и да ни един кто от мужей не точию коснется, ниже да видит Тарсису, развее Антагора. И скверноприбыточникъ он обещаеся и сотвори тако.

Апполон же краля, отецъ ея, преходя по морю дванадесать лѣтъ, жалѣя любезныя жены, приплы ко граду Тарсу видѣти дщерь и утѣшиться от печалей. Увѣдав же сия приемый в соблюдение дщерь его Странгвилей з женою Дионизию, облекшись в черная, приидоша ко Апполону и рече Странгвилей: «Здрав буди, кралю великий, а нам милостивый государь, извѣствуем же тебѣ печали полный случай. Тарсиса, дщерь твоя, о нейже бысть вся надежа наша, умре. Мы же от дне смерти ея доныне сѣтуем, черно носяще». Слышав сия Апполон, от ве-

¹—1 преодолей мысль, внушаемую похотью плоти; ² оберегаешь.

ликия печали горкия и многия слезы пролия и разда скудствующим многое богатство. Сотвори же завѣт паки десять лѣтъ ис корабля не исходити, но странствовать в несносной своей печали. Аще же кто речет ему ис корабля изыти, такому нога отсѣщи без милости. Вниде же в корабль, нача шествовати по морю с великою тугою и печалию. Воста же на мори вѣтръ велий, и по многом плавании принесе корабль к нѣкому граду, ношью егоже не познаваху; егда же бысть утро, вопросив же и увѣдаша, яко град Мелхий есть, в немже дщерь его продана блудничнику. Прилучи же ся тогда быти нѣкому по внѣшнихъ обычаю торжеству, и рече Апполон слугам своим: «Братия любезная, пристаните ко пристанищу града сего, понеже нынѣ день торжества, да примѣте нѣкое утешение, яко же и прочии челоувѣцы». Егда же приближися ко граду и сташа, обретоша множество кораблей, ибо в той день окрестнии вси съезжахуся ко граду торжествовати. Апполон же своим повелѣ сотворити веселие велие, глаголя: «Аще аз и в печали есмь, но сии да будут во утешении». И начаша слуги его ясти и пити, Апполон же седя во внутренних корабля, сѣтуя и плача.

Прилучи же ся князю града того оному Антагору изыти видѣти прибывшия корабли, и между многими узрѣ корабль преболши всѣх и во уряжении изышнем, обаче черными виды и вещи пристроена, и знак корабля черный. Прииде же к нему и видѣв корабля того челоувѣкъ благонаправных и разумных, нача с ними бесѣдовати и веселитися; и вопросы их, кто есть их государь. Они же рекоша: «Есть государь нашъ благородный и благоразумный, но в печалех своих, имиже обдержим есть, сѣдит, немощствуя, во внутренних корабля». Антагор же рече: «Приими от мене кто от вас 2 златых и оповеси, дабы благоволил ко мнѣ изыти». Рече же един от них: «Князю славный, аще нам коему во своем княжествѣ возможеша вмѣсто отсеченой сотворити ногу за две златицы, то пойдём. Уставъ бо государя нашего сицевый есть: аще кто речет ему изыти ис корабля, такому нога отсѣщи». И рече князь: «Вам сий устав, а не мнѣ». И иде сам ко Апполону.

Прииде же и рече ему: «Здрав буди, предобрый и славный гостю, и да пременит Богъ вышний печаль твою на радость». И Апполон рече ему: «Здрав буди и ты, честный и добрый челоувѣче, а иже вся содержиши, честь твою да умножит». Виде же Анатагор, яко великий и славный мудрый челоувѣкъ, но в печали лютой омрачися, и рече ему: «Не положи на мя зла, славный мужю, хошу малыми нѣчто похвалитися. Аз есмь князь в сея земли; видѣх же и слышах, яко нѣсть радости, юже не постигнет печаль, и нѣсть печали, иже не приложится на радость. Како ты, добрая и мудрая вижду ты природы, в такову печаль вдался еси? Молю тя, повѣждь ми, кая ти скорбь и како прилучися?» Апполон же рече ему: «Благодарствую ти, великий и славный княже, на твоём утешении, но вѣси: кто печалну челоувѣку беды его воспоминает, то преболевшее сокрушение сердцу его прилагает и болѣзнь обновляет. Молю твою державу: иного ми слова о сем не прилагай, иди от мене в мире». Слыша сия Антагор, поклонися ему и изыде от

него, сѣтуя о нем с великою печалию. И много размышляя о сем, посла по Тарсису, юже искупи на месяцъ себѣ у блудоначалника. Прииде же, и рече ей: «Есть здѣ единый человекъ мудрый, якоже вижу, и славный в корабли, но в великой печали, от неяже сам себе погубити хошет. Аз же о тебѣ уразумѣх, яко мудра еси воистинну. Молю тя, изведи ми его ис корабля премудростию твоею. Аз же тя у твоего злаго господина на другий месяцъ искуплю тѣм же образом».

Тогда Тарсиса, поклоншися ему, иде. И вниде в корабль, рече Апполону дѣвическими стыдливими словесы: «Здрав буди, человекъ славный и государю добрый, и да будет печаль твоя далече от тебе. Рече бо ся в писании: муж мудрый укрепляет свое сердце, да не внидет пакосник ума — уныние, иже его омрачает и в конечную погибель отсылает. Мудрии бо притчи располагають и прилоги жития преразумѣвають». Апполон же пообвеселився в мале, рече ей: «Вижу тя дѣвицу благообразну и премудру в таковых лѣтех и хошу глаголати с тобою, обаче не уразумѣши глаголь моих. Се даю ти сто златых, — возми сия и отъиди от мене». Тарсиса же, усрамясь, взя злато, отъиде.

Узрѣ же ю Антогор, иде противу ея и рече: «Тако ли ты мужа того ис корабля извела?» Она же рече: «Даде ми сие злато и отосла. Аз же устыдѣвшись и изыдох». Он же рече ей: «Или лутчи злато, а не еже хошу другий месяцъ избавити тя от осквернения?» Она же услыша сия, с великимъ срамом поверже злато на землю, рече: «Не хошу сего, господине мой, но слово твое преболши всего свѣта мнѣ богатства». Рече же ей Антагор: «Аще сотвориши ми человекъ сего ис корабля, обещаю ти ся с клятвою, яко от злаго твоего началника свобожду ты».

Тарсиса же паки возвратися и, пришед, рече Апполону: «Возвратихся, славный господине великий, и принесох ти паки злато, и молю твою кротость: или злато восприими, или послушай гадание мое; и милостив буди, еже ис корабля изыти ти». Апполон же рече ей: «Лиско¹ хитрая, вѣм, яко хошеши мя привлещи, дабы с тобою глаголал. Злато храни у себе, яко вижу ты сиротну, и рцы, что хошеши». И Тарсиса рече: «Гадание есть: дом славный, всему свѣту надобный, той дом всегда кричит, господинъ же в нем молчит, з господином ходит и прибытки ему родит. Тамо муж без коня приѣдет, господина решеткою обведет, обведши, изведет, а дом решеткою утечет». Рече к ней Апполон: «Невелико твое гадателство, печаль же моя не дает ми рещи, обаче слыши. Дом есть река, иже шумом своим яко кричит, господинъ, живущий в ней, рыба, яко есть безгласна, молчить. Тамо рыбарь кромѣ коня в лодиице приѣдет, господина — рыбу — сътъю обведет, обведши же мрежею², извлечет, а домъ — вода — утечет». Рече паки Тарсиса: «Молю, без гнѣву слыши еще мое гадателство: дщи лѣса красного, возраста великаго; неразумѣющу слуги водят и окрестъ ея всегда ходят; много путем ходит, а слѣду не родит». Рече Апполонъ: «Дщи лѣса красного есть

¹ лисичка; ² сетью.

лодия, от древ великих сотворена. Слуги неразумѣюще водят — вѣтры, и окрестъ ея ходят по рекѣ или по морю. Путем ходит, а слѣду не оставляет». И рече паки Тарсиса: «Что же сие есть: дом в вещех не убогий, господинъ же, гости в нем наги, нѣкую вещь в руку имѣют, стыда не разумѣют. Огнь и воду в дому продают, а кожды у себе даром дают». И рече Апполон: «Домъ есть мыльня, одежды многихъ имѣет, гости наги — то кто в ню мыться приходит. Вещь в рукахъ есть вѣник, и стыда друг пред другом не имѣютъ. Тамо огнь и воду продают, а в домѣхъ своихъ всякъ сие туне¹ имѣютъ». И сказав Апполон гадание, рече к Тарсисе: «Трое твое гадание известих, к тому ми не стужай, но отъиди». Рече же Тарсиса: «Приими свое злато, и аз отъиду». И рече Апполонъ: «Дивлюся дерзости твоей, колико со мною безстыдно глаголеши». Она же рече ему: «Нужда мя, бѣдную, к сему привела, яко продана есмь блудницамъ началнику. Аще же ты ис корабля изведу, Антагор князь обещался мене от сего зла свободити». Рече же к ней Апполон: «Отъиди от мене, не имам тебе ради обещания презрѣти». Рече же Тарсиса: «Вѣм, яко сицевые чести, якоже ты, милостиви суть. Но ты не явиши ли ко мнѣ милости, то возми свое злато; аще ли злата не возмеша, то еще ми изъяви гадание: четыре брата ровно бѣгают, ног у себе не имѣютъ, отца тяготу носятъ, ясти и пити не просятъ, алчюще гласят и напоены молчат». И рече Апполон: «И сие гадание с детми играя изучила еси: четыре брата — колеса; ног не имѣя, бѣгают, отца — возило — носят. Вѣдомо же, что милости не просят, и помазаны молчат, а не помазаны скрипят». И рече Тарсиса: «Благо тому гадати, кий умѣет изъясляти». И паки рече: «Кое сотворение: в немже ни пера вѣсу, тиснено и дыряво, не ясть, усть не имѣетъ, а в себе приемлет». И рече Апполон: «И сия, дѣвица, мудрость не из Рима; есть бо се губка морская». И рече Тарсиса: «Что есть: малого вида и малый служебникъ, лица не имат, а кто в него зреть, всего себе видит». И рече Апполон: «А сие есть зеркало. Но доселе и до сего часа аз тя чтил, ныне же к тому не хочу глаголати с тобою, к тому почти сама себе и отъиди от мене». И рече Тарсиса: «О благолюбезный человекъ, аще не хочещи мене ради, бѣдной и злосчастной, то ради горняго промысла и великия ради моя нужды, и сиротства, и многих бѣдъ² изыди ис корабля. И твоего ради изшествия мое достоинство будет сохранено. Помилуй мя, горкую, избави мя собою³ от обидших мя³». И сия рекши, приступи, хотя⁴ охапитися о нозе его⁴. Апполон же разгнѣвася, рече: «Аз убо и моимъ бедам, в нихже есмь, не могу помощи, тебѣ ли помогу?» И отторже ю от себе ногою. Она же паде на землю до толика, яко крови из носа и из усть изыти. Укрепи же ся и нача горко плакати, нопомяная злосчастие свое, глаголя: «О презлое злочлоуение мое, почто бѣдную тако крѣпко держиши? О мати моя, кралева Лучница, почто мя на свѣтъ породила, и по рождении почто не ввержена вкупе в море с тобою? О отче мой, кралю Апполоне, гдѣ

¹ даром; ² в рукописи после этого слова добавлено «и»; ^{3—3} от обступивших меня (бед);
^{4—4} обхватить ноги его.

ныне в печалех своих, не вѣдая зла случая чаду своему, мнѣ бѣдной? Оставил еси мя в Тарсѣ в воспитание Странгвилу и Дионизии, приятелема злыма. Тамо питателница моя Лигория от жития отъиде, аз же от Дионизии повелѣна убинена быти; избы же смерти, юже с радостію бы прияла, паче нежели ныне продана во вселютую смерть злых блудных дѣл началнику блудническу. Имѣла бых сама ся убити, но боюся суда самоубийць».

Егда же таковая ей глаголющи и горко плачющи, возревѣ Апполон, яко лев воплемъ крѣпкимъ, горко возрыдав, паде на дщери яко бездушень и много вопия и рыдая. Егда же укрепися, зря дщерь, извѣствуяся о ней, обымая и лобызая, и от радости в познании, от слез же в злоключениях недоумеваяся, что глаголати. Возопи же великимъ гласом: «Приидите, братия моя и друзи и бѣдѣ моих сострадалцы! Возвеселитесь со мною, за еже возлюбленную мою единую дщерь, юже погубих, обретох». Услышаша сия, друг друга предваряюще, ко Апполону течаху. Притече же и Антагор князь, приятель и острегатель его дщери, и вси граждане. И бысть всѣмъ неизлаголанная радость.

Изыде же ис корабля и со дщерию, радостно слезяще, друг друга обѣмъше; и приидоша в домъ приятеля своего князя Антагора. Упроси же его Антагор во еже в бани устрабитися¹, и сѣтованная пременити, и власы облехчити. И постави всѣм завѣт Антогор пиршествовати и веселитися с нима. И по веселии же мнозем преда и град свой и всю державу кралоу великому Апполону. Апполон же, видя толикое его премное добро, по многом благодарении, яко прежде сродства любви показа любовь сына, даде ему дщерь свою Тарсису премудрую и красную в жену. И бысть женитва радости и утешения полна. Купивый же Тарсису без вести погибе.

По радости же поят Апполон царь зятя своего со дщерию и иде к Тиру во свое царство. Прииде же к Тарсу граду, игдѣ остави Тарсису воспитати, и по оповѣдании Тарсисы и извопрошением Феофила, Странгвилей и Дионизия прияха, яже Тарсисе показаша: по различным мукам главы их отсекоша. Оттуду жь приплы во Ефесѣ град и изыдоша в первую кумирницу, идѣже Лучница началница; невѣдуще же ю. Егда же в храмъ идолский внидоша, узрѣ Лучница своего возлюбленнаго супруга грядуща и позна его; обаче, яко дщерь по руку ему идя, чая, яко жена его есть, и глаголя в себѣ: «Како такову младу поя?» Не хотяше же себе того ради объявити. Егда же к ней Апполон яко первейше властелинѣ прииде и преда венець злат приношение богомъ, глаголя: «Мати великая, помолися, даю сие приношение богомъ, яко дщерь мою возлюбленную обретох сию», указав на Тарсису, — она же восприемши, возложи венець на главу свою, сама же с принеможением едва от слез удержися. Прииде же и Тарсиса, подаде другий венець златый, глаголя: «Приими сие, честнѣйшая, в дар, яко даде ми вышний промыслъ обрести прелюбезнаго моего отца». Видѣвше же Ап-

¹ восстановить силы.

полон в венць стоящу Лучницу, благородием и красотою сияющу, удивися и нещеза ю быти богиню; нача же воздавати хвалу кумиром, глаголя: «Хвалю вас, бози, и тебѣ богине, яко отраду и утешение ми подасте, во еже обрести возлюбленную мою дщерь. Аще ли же бы сего мнѣ вы, милостивыи бози, не подали, во всеконечную пришел убо бых погибель. От младых убо есмь лѣтъ краль, оттоле жа и бѣдник злополучны. Прося убо нѣкогда у Антиоха дщери в супружество, судом его неправедным едва смерти избегах. Бѣгая же от него, плавая море, едва бѣдне не утопох, но вашею помощию рыбаем потопления избых и в Кипрѣ того ради замедлевъ. Тамо же мя едина славная дѣвица, дщерь краля Алтистратеса именем Лучница, прияла себѣ за мужа, и оттоле злочастие мое преумножися. Егда неотторженою ея любовию идохом в мое отечество, от бѣдъ моря в рождении ея смерти бѣдне разлучихся, и по смерти ея, любве ея ради, во всегдашнем унынии и печали, и отнюдь и до ныне весел быти не могу». Сия же ему глаголющу и горко слезящу.

Дожда же сего словеси Лучница, к тому терпѣти не возможе, но возопи гласом велиимъ, з горкими слезами глаголя: «О предражаиший мой свѣте и прелюбезный государю, кралю Апполоне, аз убо жена твоя Лучница, дщи царя Алтыстратеса!» Нападе же на выю его и многѣ час неразлучни плачуще. И егда укрепившися, рече Апполон: «Во снѣ ли ми яже о тебѣ прелюбезная моя или на явѣ?» Лучница же отвеща: «Во снѣ убо без вести и яко смерти наведения друг о друге быхом, ныне же разбудихомся». Извести ему Лучница вся еже о себѣ, и по многом в познании друг друга плачу приидоша во всерадостное утешение. И изыдоша из храма богов и идоша в дом, идѣже пребысть Апполон. Слышавше же граждане, зѣло возрадовашеся и прославиша Бога всемогущаго. Повелѣ же Апполон Тиримонуса врача и ученика его Силемонуса призвати и дарова им премногия дары. И по сем в радости неизреченней с королевю Лучницею, и со дщерью Тарсисою, и со зятем Антагором шествова во свое отечество в Тир град.

Егда же к Тиру приближися, и изыдоша во стретение его мужие во урядстве изящнѣмъ на конех; дѣвиць же лики во украшении лѣпотне полками; такожде и жены, и малѣйшая отрочата своею особою. И от радости старии и младии плакаху, и бысть приѣздъ его дивен, и славен, и страшен. Апполон же от великие радости что и чинить недоумеваяся, точию привѣт и милость являл и обещал. По семъ принесоша ему великие дары и собрание государства, иже по отшествии его собравше, неизчетное принесоша.

Увѣдѣвше же антиохиане пришествие краля Апполона, иже до дне пришествия его никомуже обещавшися града отверсти. Тогда же молебнo писаша ко всѣм князем Тирской державы, дабы Апполона умолили быти им цесарем и государем и приял град их. И Апполон по прошению князей сотвори по воли антиохиан, егоже цесарем учиниша и предаша ему многочисленное антиохово богатство. Зятя же своего кралем Тиру граду постави. Призва же и Елавика, прия-

теля своего, иже сказа ему заповедь о нем от Антиоха, даде ему великия дары и первосовѣтника себѣ постави.

По сем Апполон изволи ѣхати с кралевою, и со дщерию, и з зятем в Кипрѣ к Тирону граду, ко Алтистратесу, тестю своему. И шествоваша в славу велицей. Пребыша же тамо немало. И даде Алтистратес краль дщери своей Лучнице половину своего царства, другую же внуке своей Тарсисе. Повелѣ же Апполон призвати онного рыбаля, иже избави его от потопления моря, и даде ему премногия дары и обогати его зѣло. По сем славный цесарь еллинский Апполон возвратися во Антиохию Великую и тамо живуще радостны животъ с своею царицею. Прижит же с нею сына и даде ему дѣдне имя Алтистратес. Прииде же во глубокую старость, остави сыну своему свое царство. Сам же до кончины живе во истиннѣ и правде, и послѣдний день сотворися ему миренѣ.